

LAPSHIN Arkadii Olegovich, *Cand. Sci. (Hist.)*, Editor-in-Chief of the «Vlast» magazine, Member of the Presidium of the Academy of Political Science (off. 512, bld. 5, 24/35 Krzhizhanovskogo St., Moscow, 117218, Russia; ark2050@yandex.ru)

SCHOOL OF YOUNG ETHNOPOLITICAL SCIENTIST IN THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN AND THE VLAST' MAGAZINE: CREATIVE TANDEM

Abstract. The editor-in-chief of the Vlast' magazine writes about the need for constant work with young budding scientists which specialize in the field of social sciences and humanities. He emphasizes that work of this kind should be carried out by all high-ranking journals, since the support of young authors in today's conditions is becoming the most important state task.

Keywords: socio-humanitarian science, magazines, young budding scientists, information openness, fake media space, School of Young Ethnopolitical Scientist

---

ВАХИТОВ Рустем Ринатович – кандидат философских наук, доцент ФГБОУ ВО БашГУ (450076, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д.32; rust_r_vahitov@mail.ru)

НАЦИОНАЛИЗМ И ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ: ДВА ЛИКА МОДЕРНА

Аннотация. Статья посвящена историческому развитию таких понятий, как национализм и интернационализм, приводятся их оригинальные определения. Автором на основании исследований доказывается постулат о том, что эти понятия не являются абсолютными противоположностями, но естественно порождаются самой действительностью.

Ключевые слова: национализм, интернационализм, общество, государство, народ, либерализм, коммунизм

Национализм и интернационализм принято воспринимать как полные абсолютные противоположности. Национализм соотносят с правым сегментом политически-идеологического спектра, интернационализм – с левым. Исходя из этого, национализм сближают с консерватизмом и даже с традиционализмом. Мы намерены ниже показать, что это глубокое заблуждение, и что национализм и интернационализм, кстати говоря, и возникшие не так давно, вместе с миром модерна, которому от роду не более трехсот лет, плоть от плоти порождения этого мира.

Для начала дадим определение и национализму, и интернационализму, чтоб было понятно, о чем идет речь (тем более что оба этих термина настолько затасканы в публицистике, что понимаются зачастую просто как оценки, а не как политологические и социально-философские категории, обладающие логическим, очерченным той или иной наукой содержанием). Естественно, мы не настаиваем, что наши определения будут истинами в последней инстанции, наша цель – лишь открыто зафиксировать: из чего мы исходим в наших рассуждениях. Итак, национализм, по нашему мнению – это идеология, которая высшей ценностью считает интересы данной конкретной нации, ее самовоспроизведение, увеличение ее могущества и т.д. В условиях господства идео-

логии национализма вся общественная жизнь – и экономическая, и политическая, и культурная – подчиняется обслуживанию национального бытия. В области политической это предполагает возникновение модели государства – нации, в котором полнотой прав обладают представители титульной национальности, а все остальные, если они имеются – ущемленные в правах меньшинства. В области же международных отношений это означает разрушение многонаrodnых государств, превращение мира в конгломерат государств – наций, каждое из которых руководствуется лишь своими интересами и стремится к максимальной свободе от других государств¹.

В чистом виде национализм как идеология практически не встречается, реальная политическая история знает лишь его соединения с другими идеологическими проектами. Даже превращенные современным миром в жупелы национал – социализм и фашизм, которые часто репрезентируются как радикальные формы национализма, на самом деле во многих своих аспектах от национализма как такового достаточно далеки. Национал-социализм на первый план выдвигал вовсе не ценности нации, а ценности расы, арийства, германскую же нацию в ее актуальном состоянии он считал еще далеко не достигшей расовой чистоты и нуждающейся в евгеническом «очищении» (хоть «правый» критик национал-социализма Ю. Эвола и обвинял национал-социализм в наличии и узко националистического момента, выражавшегося, например, в маниакальном стремлении Гитлера объединить всех немцев в рамках одного государства – Великого Германского Рейха)². Итальянский фашизм вообще был не столько национализмом, сколько этатизмом, идеал трансцендентно фундированного государства для Муссолини был безусловно выше, чем интересы итальянцев как сообщества, объединенного одним лишь принципом крови. Поэтому тот же Ю. Эвола считал, что фашизм наряду с чертами идеологии современного мира нес в себе – и в гораздо большей степени, чем национал-социализм – дух традиционного общества³.

С другой стороны, с самого зарождения идеологии либерализма, которое произошло в эпоху Просвещения, вплоть до второй половины XX века, когда постмодернистская мировоззренческая революция стала разрушать базовые концепты либерализма в его классической форме (рационализм, «священное скопидомство», культ труда и отрицание потребительства), либерализм включал в себя существенные элементы националистического дискурса. Либеральные революции, уничтожившие в XVII – XIX вв. в Европе католические монархии средневекового типа и установившие либо демократические республики, либо конституционные монархии буржуазного типа, одновременно были националистическими революциями, которые разрушили многонаrodnую средневековую Европу (правда, к тому времени сильно прогнившую и расколотившую Реформацией) и утвердили на ее месте множество обособленных государств-наций. Ничего удивительного в этом нет, коль скоро идеология этих революций строилась на идее суверенитета нации, направленной не только против аристократии и короля, который был суверенным в традиционной Европе, но и против наднационального духа королевской и аристократической власти. Даже знаменитый лозунг Французской революции 1789 года «Да здравствует нация!» имел двойственный смысл, на что мало

¹ Это наше определение перекликается с распространенным на Западе определением нации и национализма как политизации этничности, принадлежащим Э. Геллнеру, но мы намеренно оставляем в стороне остро поставленный у Геллнера и дискуссионный вопрос: кто кого породил – национализм нации или наоборот.

² См. Эвола Ю. Фашизм: критика справа.

³ Там же.

обращают внимание: под нацией понималось здесь не только третье сословие, народ, но и этнические французы. Аристократия и тем более король и особы королевской крови, строго говоря, в нацию не включались, что было по-своему логично: французская аристократия была связана множеством кровных связей с аристократиями других стран Европы. Так, жена последнего правившего короля из династии Бурбонов – Людовика XVI Мария-Антуанетта была по происхождению австриячкой, что служило причиной постоянных нападков на нее и на короля со стороны восставшего народа, который подозревал вследствие этого своего короля в «непатриотичности»¹. Аристократия Франции, в отличие от ее третьего сословия, народа, была неким наднациональным, панъевропейским образованием, в этом смысле лозунг «да здравствует нация!» был равнозначен лозунгу «Франция для французов!». В связи с этим интересно упоминание Ю. Эвола, что термин «патриотизм» в его современном смысле стал употребляться именно со времен Французской буржуазной революции и что «патриотами» называли себя именно сторонники революции – либералы, мыслящие в рамках категорий Просвещения². Противники же либералов, роялисты, защищали вовсе не «другую Францию», ту же Родину, но осененную короной короля, а сам принцип монархической власти и традиционного деления общества на сословия. Как видим, действительно, либерализм в его первоначальной форме был националистическим мировоззрением и Ле Пен, возглавляющий современный «Национальный фронт», в гораздо большей степени имеет право претендовать на преемственность Робеспьеру, чем уважаемые французские социалисты.

Обратимся теперь к интернационализму. Так принято называть идеологию, которая, наоборот, отодвигает на второй план различия между нациями и исходит из того, что нации – вообще преходящие исторические формы социальной общности, и что рано или поздно они сольются в единое однородное безнациональное человечество. Интернационализм существует в двух вариациях – марксистской и либеральной. Марксисты выступают за приоритет классовых интересов перед национальными, для них не так уж и важно, к какой нации принадлежит тот или иной человек, важно, буржуа он или же пролетарий, «эксплуататор», живущий за счет частной собственности, или «трудящийся». Ведь мировоззрение марксизма экономикоцентрично, этносы и нации здесь рассматриваются как вторичные феномены, являющиеся результатами экономических отношений, прежде всего, классовой борьбы. Вместе с упразднением классов марксисты предрекают и уничтожение наций, и даже более того, оно, по их мнению, вообще-то начинается уже при капитализме, с возникновением мирового рынка. Поэтому с точки зрения чистого марксизма, без примеси национальной идеи – например, марксизма раннего Ленина и Троцкого – национальными интересами можно и нужно жертвовать ради дела пролетарской революции. В этом ключе строилась национальная политика Советской власти в 20-х – первой половине 30-х гг.: в Советской России были обеспечены беспрецедентно широкие права и свободы для тех малых народов, которые подвергались в Российской Империи дискриминации по национальному признаку. Особенно это касается евреев, строгое соблюдение свободы

¹ То же самое можно сказать и последнем русском царе Николае II Романове, который сам был немцем по крови на 7/8, а жена которого – Александра Федоровна (урожденная Алиса Гессен-Дармштадская) вообще была чистокровной немкой, которая до замужества не знала ни слова по-русски. Сейчас не принято вспоминать, что один из основных упреков в сторону императорской семьи со стороны революционеров-«февралистов» – мифическое тайное «предательство» интересов Родины во время войны с Германией (император которой Вильгельм II приходился, кстати, русскому царю ... двоюродным братом).

² См. Эвола Ю. Оседлать тигра.

и равноправия которых в довоенном СССР признается даже сионистскими организациями, которые отмечают, что в некоторых странах Запада того периода с «еврейским вопросом» ситуация обстояла хуже, чем в СССР Ленина и Троцкого. В то же время жестко проводилась линия по сдерживанию и даже предупреждению настроений «великорусского национализма» (а по сути кое-где даже своеобразная дискриминация русских, призванная, по мысли интернационалистов от марксизма, «уравновесить» дореволюционную дискриминацию нерусского населения империи).

Либералы новой, постклассической, постмодернистской формации, которые пришли на смену классическим «национал-либералам» в Европе и в США во второй половине XX века противопоставляют интересам нации интересы отдельного, «самодостаточного свободного индивида». Для современного интернационал-либерала также неважно, к какой нации или расе принадлежит человек — важно, сумел ли он реализовать свою индивидуальность в том виде, в каком это приемлемо для либерального мировоззрения. А мировоззрение это предполагает, прежде всего, реализацию в экономической «рыночной» сфере. И даже если индивид проявляет себя не в бизнесе, а, скажем, в сфере искусства, педагогики, науки, религии, все равно мерилом его успешности являются деньги, ведь в либеральном обществе все является товаром, имеющим определенную стоимость. Рынок здесь тотален. Как видим, современный либерализм также исходит из идеала интернационализма, правда, называя его по-другому, чаще всего — космополитизмом. Для либерализма также экономическое первично, а национальное вторично, только экономическим субъектом, стоящим в центре либерального мировоззрения, является индивид, а не класс, как в марксизме. Развитие экономических связей и превращение рынка в глобальный феномен, и, по мнению либералов, также рано или поздно покончит с разделением людей на нации, на место миру, разъединенному национальными перегородами, придет глобальное «открытое общество», где есть свободные активные индивиды, а не представители той или иной национальности и между ними существуют лишь отношения договорного, рыночного типа, а все иные связи, в том числе и строящиеся на национальном родстве, будут разорваны. Это глобальное «открытое общество», конечно, не мыслится как коммунистическое, так как его фундаментом является принцип частной собственности, но с точки зрения национального вопроса между ним и коммунизмом существенной разницы нет.

Из этих мировоззренческих посылок и проистекают требования последовательных либералов Запада не ограничивать иммиграцию в Европу из стран Третьего мира, придерживаться идеалов мультикультурализма и избегать проявлений ксенофобии против неевропейцев. По мысли либералов, в нынешних мультикультуральных Европе и США выплавляется глобальное, вненациональное «открытое общество» в миниатюре (другое дело, что мультикультурализма и диалога культур на самом деле, а не в проектах либералов не получается: иммигранты-арабы и африканцы не собираются сливаться и даже мирно сосуществовать с французами и немцами, они в массе своей настроены агрессивно и зачастую хотят подчинить европейцев, оттеснить их от «кормушки» цивилизации потребления).

Казалось бы, наглядно показано, что между идеалами национализма и интернационализма — явная противоположность: национализм выдвигает интересы нации на первый план, интернационализм считает их вторичными, национализм представляет мир как совокупность национальных государств, каждое из которых ведет собственную эгоистическую политику, интернационализм видит мир как глобальное общество, члены которого лишены национальной идентичности. Однако в действительности противоположности эти диалекти-

ческие, между ними много общего, и мы предлагаем обратиться к подобного рода сходствам.

Прежде всего, обратим внимание на то, что и национализм, и интернационализм предполагают идеал ассимиляции и этнического смешения. Только национализм его применяет по отношению к этносам и субэтносам традиционного мира, а интернационализм — уже по отношению к нациям, т.е. к народам мира модернистского. Так, для немецкого националиста разделение немцев на баварцев, пруссаков, саксонцев и так далее — досадный факт, нуждающийся в преодолении. Немцы, по его убеждению, должны быть единой нацией, с единым языком, единой идеологией, единым национальным самознанием и, самое главное, единым моноэтническим государством. Ему претит средневековая цветущая этническая сложность, ему симпатична модернистская этническая унификация.

Точно также интернационалисту претит национальное многообразие, и он мечтает о едином унифицированном в этническом отношении человечестве, заключенном в рамки единого всемирного государства. В этом смысле идеал интернационализма есть вторая стадия того процесса этнического смешения, который инициировал идеал национализма; недаром же русский философ-консерватор К.Н. Леонтьев утверждал, что национализм как политический феномен есть не что иное как орудие всемирной либеральной революции¹.

Далее, тот же К.Н. Леонтьев обратил внимание на тот любопытный факт, что националист может сколь угодно много говорить о своеобразии своей нации и о том, что это ее своеобразие нужно беречь как зеницу ока и для этого и нужно сделать государство национальным — и по составу, и по направленности его политики. Но как только это государство возникает, как вдруг обнаруживается, что все его институты и даже внешние формы и атрибуты буквально скопированы с западноевропейских образцов: государств — наций с их администрациями, президентами, парламентами, политическими партиями, банками и биржами, разнузданной прессой и свободными нравами и т.д. Леонтьев приводит в пример современных ему болгар, которые, как оказалось, так истово боролись против политической зависимости от Османской империи, в рамках которой, кстати, они прекрасно сохраняли свое национальное своеобразие, только для того, чтобы впасть в еще худшую культурную зависимость от упрощенной, опошленной новоевропейской буржуазной цивилизации, фактически потеряв былое своеобразие.

Мы можем привести схожие примеры из новейшей истории: так, бывшие союзные республики СССР, внезапно после 1991 года превратившиеся в «независимые государства», кажется, отличаются друг от друга только государственными языками, флагами, да песнями фольклорных коллективов, которые выступают на государственных праздниках. Во всем остальном Киргизию или Казахстан трудно отличить от Латвии или Украины: и тут, и там парламенты, президенты, банки, биржи, СМИ, копирующие манеры западных масс-медиа, и молодежь, подражающая позавчерашней лондонской и парижской моде. Как будто киргизское и латвийское национальное своеобразие не предполагает особых, годных только для них политических и экономических форм! Кстати, специалисты — культурологи и политологи неоднократно уже замечали, что националисты так много придают значения проблеме языка, так как все национальное своеобразие они и сводят к языку.

¹ См. об этом Леонтьев К.Н. «Национальная политика как орудие мировой революции» Следует особо отметить, что термин «либеральная» Леонтьев понимает здесь очень широко и к либерализму относит весь спектр левых идеологий, требующих эмансипации, отказа от традиционных ценностей, разрыва традиционных связей, в том числе и коммунизм.

Можно возразить, что есть крайние националисты, которые резко отвергают даже внешние признаки либеральных режимов и выдвигают авторитарный этатистский националистический идеал. Однако и этот идеал скопирован с западных образцов – немецкого и итальянского ультраправых режимов времен Оси, в которых, как мы уже отмечали, имелись наряду со многими другими, и националистические черты.

Наконец, национализм и интернационализм сближает прогрессистское понимание этнической истории. Националисты считают явным прогрессом объединение народов и народностей традиционного мира в единые нации с общим литературным языком, культурой и желательно общим государством. Националиста даже не смущает, что такое объединение привело к гибели в котле ассимиляции многих малых народов (русский литературовед и историк В.В. Кожин писал, что в эпоху становления капитализма из 200 европейских народов возникло 20 европейских наций, так что Европу вполне можно назвать «кладбищем народов»). Националист считает это неизбежной платой за прогресс.

Интернационалист также считает прогрессом процессы этнической унификации, но он идет дальше и следующий шаг этого прогресса видит в слиянии теперь уже и самих наций в тигле единого этнически однородного человечества. Исчезновение многообразия национальных культур, характеров, мировидений для него также необходимая плата за такое продвижение «вперед» к идеалу общечеловеческих ценностей.

Итак, национализм и интернационализм, при всех своих внешних противоречиях не что иное, как две версии одной и той же западной прогрессистской парадигмы, утверждающей, что вектор этнической истории направлен в сторону слияния этнических образований: сначала народов в нации, затем наций – в единое, унифицированное человечество. Первыми с точки зрения этой парадигмы по данному пути двинулись западные народы, но и всем остальным народам, многие из которых не достигли пока и уровня наций, якобы предстоит пройти по этому же пути.

Какова же внутренняя причина такого сходства? По нашему мнению, она состоит в том, что и национализм, и интернационализм принадлежат к идеологиям модернистского мира, противостоящего традиционным обществам. Если традиционное общество строилось на ценностях иерархии, этатизма, религии, служения, то общество модернистского типа строится на ценностях равенства, антиэтатизма и народопоклонства, секуляризма, свободы. Модернистский характер интернационализма вряд ли нужно доказывать, а вот национализм в силу его гораздо более позитивной оценки государства, чем у либерализма и коммунизма, а также в силу его постоянной апелляции к религиозным учениям и институтам часто воспринимается как традиционалистская доктрина. Однако это заблуждение, на что указывали такие авторитетные теоретики традиционализма, как Ю. Эвола и К.Н. Леонтьев¹. Мы уже упоминали меткое замечание Эволы, что до революции 1789 года Запад вовсе не знал таких терминов, как «национализм», «патриотизм», «Родина», и не менее меткое замечание Леонтьева о том, что, как только идеал национальной независимости реализуется, такое государство начинает копировать западные режимы. Но существует и внутренняя метафизическая связь между модернизмом и национализмом.

Прежде всего, национализм предполагает такую фундаментальную ценность, как равенство всех членов нации, тем самым отвергая традиционный принцип

¹Эвола Ю. Оседлать тигра.

внутренней иерархии. Для националиста не так уж и важно: интеллигент перед ним, чиновник, крестьянин или рабочий, главное, что это немец или француз, или русский. Как раз в государствах, где в той или иной форме реализовывался идеал национализма, пусть и в не вполне чистом виде, наблюдалось мощная социальная мобильность выходцев из простонародья при явном угасании аристократии. Превращение Германии из государства сословного, средневеково-традиционного в государство социально унифицированное, бессловное началось, конечно, еще в период либеральной Веймарской республики, но приобрело необратимый характер именно при Гитлере, который был не только консерваторм, но и, как отмечал Эвола, в большой степени банальным немецким националистом¹.

Далее, идея подчинения государства народу, свойственная для любой другой модернистской модели: либеральной или коммунистической – свойственна и национализму. С точки зрения национализма государство должно выражать волю народа, но народа не в форме гражданского общества, как у либералов, и народа не в форме класса, как у коммунистов, а народа как нации. В любом случае это глубоко антитрадиционная идея, ведь в традиционном обществе народ – вне политики, он – производящее, а не управляющее сословие. Другое дело, что национализм, в отличие от либерализма и коммунизма, идеология милитаристская, предполагающая постоянные войны с другими нациями, а для этого хочешь или не хочешь – нужно укрепление государства (при этом все равно понимаемое как нечто производное от нации). Но внешнее укрепление государства свойственно и для коммунизма, который оправдывает это целями классовой борьбы («диктатура пролетариата»), однако это обстоятельство не делает коммунизм идеологией этатистской, теоретически государство понимается здесь все равно как зло, пусть и неизбежное и даже нужное на докоммунистических этапах истории.

Перейдем к симпатиям национализма к религии, что также придает этой идеологии кажущийся оттенок традиционности. На наш взгляд, объясняются они лишь связью религии с этнической культурой. Националисту неинтересна и неважна религия сама по себе (в этом он подобно либералу или коммунисту – совершенно секулярный человек, исходящий из целей посюсторонних – политическая мощь, победа над другими нациями). Ему важна и нужна религия как часть национальной традиции. Кстати, поэтому последовательный националист в своем развитии, как правило, приходят к узко этнической религии, то есть к язычеству (что мы сейчас видим на примере европейского и российского неонацизма). В традиционном обществе наоборот не национальная традиция подчиняет себе религию, а религия подчиняет национальную традицию.

Может, показаться, что уж такая модернистская ценность как свобода совершенно отсутствует в идеологии национализма. Наоборот, национализм исходит из того, что политические свободы каждого члена нации не самоценны, они предоставляются ему лишь в той мере, в какой это не вредит интересам нации в целом. Поэтому, собственно, идеал националистического государства противоположен идеалу государства либерально-модернистского. Национализм охотно мирится с политическим авторитаризмом, даже диктатурой, если того требует политика сохранения и укрепления нации. На это нужно заметить, что идеал коммунистического общества, где индивид служит коллективу, также мало похож на либеральную идиллию прав и свобод человека, но это не делает коммунизм традиционной идеологией. Коммунизм отвергает свободу отдельного обособленного индивида, но только ради свободы класса трудящихся,

¹ См. об этом Ювола Ю. Фашизм: критика справа.

таким образом, вовсе не выходя за рамки все той же метапарадигмы эмансипации. Коммунизм ополчается с невиданной жесточенностью против системы, которая оспаривает эмансипацию класса трудящихся и стремится заставить этот класс служить другим классам и сословиям, всему общественному целому. Имеется ввиду, конечно, система традиционного общества, где каждый занят своей функцией: духовенство молится, обеспечивая аристократии и народу «мистическую защиту», аристократы защищают народ и духовенство от военных бедствий, народ же — трудится и обеспечивает своих дворян и священников необходимыми материальными благами.

Точно так же и национализм. Конечно, и национализму чужда идея свободы обособленного индивида, но он буквально живет идеей свободы нации, черпая из нее вдохновение и силы. Свобода нации означает неподвластность нации чему бы то ни было и кому бы то ни было. Нация сама для себя устанавливает законы, и только сама она может ограничить какие-либо свои действия, в этом смысл принципа суверенитета нации, священного для каждого националиста. Естественно, поскольку наций много, то каждая нация формально обладает теми же правами (как видим, для националиста нации, как для либерала — индивиды качественно равны), но право свое она должна отстаивать в жестокой конкурентной борьбе, причем не только в плоскости экономики, как того требует либеральная «война всех против всех», но и в плоскости настоящей войны, где льется настоящая кровь. Militarизм и межнациональная война всех против всех точно также вытекает из сущности национализма, как и торговая конкуренция из сущности либерализма или борьба экономических классов из сущности коммунизма.

При этом национализм также с ожесточением ополчается против традиционного понимания общества и государства, которое в качестве идеала выдвигает многонародную империю, где народы отнюдь не равны и не суверенны; они напротив, качественно различны, подчиняются одному общему принципу и по отношению к нему выполняют какую-либо одну строго определенную функцию. На эту особенность традиционных империй указывал А. Тойнби, приводя в пример Османскую империю, где турки были крестьяне, воины и администраторы, армяне занимались торговлей и т.д.¹ Схожая ситуация наблюдалась в Российской Империи, где даже отдельные профессии имели «этнический оттенок»: евреи занимались мелкой торговлей и ремеслом, дворниками в городах были, как правило, татары, русские в основной массе были крестьянами и дворянами². На первый взгляд может показаться, что здесь наличествует явная дискриминация нерусских народов, так как они якобы отлучены от верховной власти в государстве. Но на самом деле это не так; аристократия в традиционной империи, как уже указывалось, во многом имеет наднациональный характер, то есть, если она и национальна, то в смысле духовном, а вовсе не в смысле этническом, как простонародье. В принципе представитель любого народа империи может стать аристократом, если у него наличествуют соответствующие качества. Та же русская аристократия принимала в свое лоно всех — и грузин, и армян, и татар, и немцев, главное условие — обращение в

¹ См. Тойнби А. Постигание истории.

² Кстати, протесты современных русских националистов против засилья на рынках кавказцев как раз и указывают, что перед нами именно модернисты, бесконечно далекие от имперского миропонимания; коль скоро они считают, что русские должны и торговать, и воевать, и управлять, и заниматься производством. С точки зрения мировоззрения традиционной империи как раз представляется нормальным, что торгуют в основном мусульманские народы Кавказа; такова их имперская функция как народов торговых, им это удастся лучше, чем другим.

православие и приверженность особому «русскому духу», которая делала русскими, например, грузина Багратиона и татарина Симеона Бекбулатовича (то же самое и в любой другой традиционной империи, скажем, в Османской, где высокопоставленными аристократами и даже великими визирями становились в том числе греки или славяне, но разумеется, принявшие ислам).

Подведем итоги. Национализм – такое же порождение модернистского дискурса, как и идеологии интернационалистского плана – либерализм и коммунизм. В национализме присутствуют фундаментальные модернистские принципы – свобода, секуляризм, равенство, антиэтатизм, только они получают здесь специфическое преломление: так, высшей ценностью является свобода, но не индивида, а нации в целом, государство подчиняется народу, но не в форме гражданского общества, а в форме нации и т.п. Естественно, есть отличия между национализмом, с одной стороны, и коммунизмом и либерализмом, с другой: скажем, национализм иррационален, либерализм и коммунизм исходят из рациональных ценностей, национализм питается мифами, искусством, оккультными верованиями, либерализм и коммунизм пронизаны пафосом рационализма, науки и техники.

Национализм восходит к романтическому Контр-Просвещению, либерализм и коммунизм – к сциентистскому Просвещению. Но матрица культуры при этом одна и та же, модернистская, так как и взаимоотношения Контр-Просвещения и Просвещения носили сугубо диалектический характер.

После этого культурологического анализа мы можем ответить на вопрос: почему национализм и интернационализм схожи между собой, что выражается в том, что:

- национализм, и интернационализм предполагают идеал ассимиляции и этнического смешения, только национализм его применяет по отношению к этносам и субэтносам, а интернационализм – уже по отношению к самим нациям;

- национализм и интернационализм одинаково копируют западные социальные, политические и экономические формы;

- национализм и интернационализм воспринимают историю как прогресс, только для национализма этот прогресс заканчивается образованием национальных, «цивилизованных» государств на обломках феодального «варварства», а для интернационалиста он продолжается и закончится образованием общечеловеческой цивилизации.

Напомним, что исходя из этого мы сделали вывод, что национализм и интернационализм являются по сути, двумя версиями одной и той же западной прогрессивной парадигмы.

Причина подобных сходств в том, что и национализм, и интернационализм принадлежат к культурной матрице модернистского общества. Так, исходя из этого, первое сходство объясняется следующим образом. Переход к модернистскому обществу, как отмечал еще К.Н. Леонтьев, есть упрощение внутренней структуры культуры, социальной организации, самих психологии и быта¹. Пафос такой унификации проистекает из самого эгалитаристского, уравнительного идеала общества типа модерн. Естественно, это упрощение распространяется и на национальную сферу. Традиционный народ несет в себе гораздо больше этнического разнообразия, чем нация, образованная в результате слияния народов и унификации их культурных черт и уж тем более чем нарождающаяся сейчас интернациональная «общечеловеческая» цивилиза-

¹ См. Леонтьев К. Византизм и славянство, Его же Национальная политика как орудие мировой революции и др. Работы.

ция. Реализуется же эта этническая унификация при переходе от традиции к модерну через идеологию национализма. Интернационализм же выступает как идеология, через которую осуществляется своеобразное углубление модернизационных процессов и разрушение даже форм классического модерна, таких как нации.

Второе сходство объясняется тем, что первым обществом модерн стал Запад, естественно, он является образцом для всех стран, встающих на путь модернизации. Подражание Западу, путь и бессознательное – неперенное свойство любой модернистской идеологии, в том числе и национализма, и интернационализма.

Отсюда же проистекает и третье сходство: как замечал еще Н.С. Трубецкой модернистский Запад, без особых на то логических оснований, воспринимает как высшее по отношению к своим прежним состояниям и уж тем более иным неевропейским цивилизациям¹. Соответственно переход к модерну в сфере этнического бытия – возникновение наций и национальных государств, и тем паче их разрушение и образование единого человечества воспринимается соответствующими идеологиями как прогрессивное развитие.

Как бы то ни было, тем, кто сейчас, критикуя идеал интернационалистского всемирения и унификации, пытается противопоставить ему идеал национализма, следует осознать не только то обстоятельство, что национализм и интернационализм диалектически связаны друг с другом, но и тот факт, что и в начале XX века, и в начале века XXI национализм был и остается лишь инструментом в руках политиков-интернационалистов, будь они классические «досталинские» коммунисты или классические «гайдаровские» либералы. Националисты нужны интернационалистам, чтоб при помощи сторонников национального государства и узко национального мировоззрения окончательно разрушить цветущую сложность традиционного многонародного единства там, где она еще сохранилась, и еще на один шаг приблизить наступление эпохи гибели наций и торжества космополитизма.

Статья публикуется при поддержке Школы молодого этнополитолога в Республике Башкортостан (грант Фонда президентских грантов 19-2-022447).

VAHITOV Rustem Rinatovich, Cand.Sci. (Philos.), Associate Professor at the Bashkir State University (32 Zaki Validi St, Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia, 450076; rust_r_vahitov@mail.ru)

NATIONALISM AND INTERNATIONALISM: TWO FACES OF MODERNITY

Abstract. *The article is devoted to the historical development of such concepts as nationalism and internationalism, their original definitions are given. On the basis of research, the author proves the postulate that these concepts are not absolute opposites, but are naturally generated by reality itself.*

Keywords: *nationalism, internationalism, society, state, people, liberalism, communism*

---

¹ См. об этом Трубецкой Н.С. Европа и человечество.